

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Замостьянов. Война, которая не началась . . . . .</i>	<i>6</i>
<i>Никита Хрущев. Карибский кризис . . . . .</i>	<i>16</i>
<i>Анатолий Добрынин. Уроки и итоги кризиса . . . . .</i>	<i>42</i>
<i>Николай Леонов. Карибский кризис . . . . .</i>	<i>84</i>
<i>Георгий Корниенко. Карибский кризис: его причины, ход и уроки . . . . .</i>	<i>93</i>
<i>Екатерина Анпилова. Тема Карибского кризиса на страницах «Правды» 1962 года . . . . .</i>	<i>119</i>
<i>Дмитрий Язов. Карибский кризис на Кубе . . . . .</i>	<i>129</i>
<i>Ноам Хомский. Кубинский ракетный кризис: как США играли в русскую рулетку с ядерной войной . . . . .</i>	<i>169</i>
<i>Грэм Аллисон. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис . . . . .</i>	<i>184</i>
<i>Светлана Свилас. Историография и источники по истории Карибского кризиса . . . . .</i>	<i>219</i>
<i>Юрий Емельянов. Карибский ракетный кризис . . . . .</i>	<i>249</i>

ВОЙНА, КОТОРАЯ НЕ НАЧАЛАСЬ

Вопрос, на который мы постараемся дать ответ в этой книге — у кого не сдали нервы в октябре 1962 года?

80 лет назад, 15 октября 1962 года, мир оказался на грани большой войны. Американская разведка получила информацию об установке ядерных ракет на Кубе — и Вашингтон начал опасную игру... Судьба человечества зависела от того, найдут ли компромисс две великие державы — СССР и США.

Ни одно политическое событие послевоенного XX века не сохранилось в исторической памяти человечества так ярко: человечество осознало, что на несколько дней оказалось в двух шагах от ядерной войны. Третьей — и, скорее всего, последней Мировой. Карибский кризис (на американский манер — Кубинский ракетный кризис) — это понятие знакомо каждому. И всё-таки пояснения требуются.

«Ежа в штаны»

Все началось с того, что вождь кубинской революции Фидель Кастро попросил своих советских союзников не только расширить военную помощь, но и разместить на Кубе ядерные ракеты. ЦРУ несколько раз пыталось организовать покушение на Фиделя, к тому же, у кубинцев, как и у советской разведки, имелись сведения, что американцы готовят интервенцию на «остров Свободы». «Они окружили нас военными базами и держат под возможностью ударов нашу страну. А тут американцы сами бы испытали, что означает такое положение», — рассуждал Никита Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета мини-

стров СССР, в то время — несомненный лидер Советского Союза. В близком окружении он говаривал, что «надо засунуть американцам ежа в штаны». К тому же, Хрущев, любивший отдыхать под Ялтой, часто сетовал, что напротив — турецкие берега, а там — американские заряды, нацеленные на Советский Союз. 15 ракет средней дальности «Юпитер», которые могли достичь Москвы... Изменить эту ситуацию можно было только нестандартными и резкими решениями. Кремль воспользовался тем, что американцы определенно недооценили ни кубинскую революцию, ни пруть советской дипломатии, которая сумела наладить союзнические отношения с легендарными барбудос — Фиделем Кастро и Че Геварой. Советский Союз получил «непотопляемый авианосец» в 180 километрах от Штатов.

Никита Хрущев и Джон Кеннеди. Попытка найти общий язык

Весной 1962 Москва приняла решение разместить на Кубе дивизию, оснащенную ракетами средней дальности Р-12 и Р-14. К ним прилагалась отдельная эскадрилья бомбардировщиков Ил-26, которые считались надежными носителями ядерных ракет и представляли для американцев особую угрозу как наступательная сила. Для защиты

этой группировки на Кубе разместили 144 установки ракет «земля-воздух» и полк истребителей МИГ-21. Кастро получил и оперативно-тактические ядерные снаряды с дальностью полета 60 км, предназначенные на случай вторжения и, конечно, опытных советских солдат и офицеров. Сам Хрущев осознавал, что этот шаг — в значительной степени авантюра. Но он считал её допустимой и даже полезной, чтобы «сбить спесь» с американцев и укрепить социалистический блок.

На грани войны

Переброску советских ракет на Кубу (позже все узнали название этой операции — «Анадырь») американцы «проспали». Моряки доставили на Карибы секретный груз — более сотни боеголовок — по всем правилам конспирации. Только 14 октября летчик сфотографировал на Кубе объекты, явно напоминавшие стартовые площадки для пуска ракет. И на следующий день — 15-го — военные эксперты определили, что на снимках — советские баллистические ракеты средней дальности, способные долететь аж до Вашингтона. Этот день большинство экспертов и считает начало кризиса... В ту же ночь информацию донесли до президента США Джона Кеннеди. Его военные советники настаивали на немедленном десанте на Кубу и уничтожении стартовых площадок. Но президент колебался. Он приказал только активнее проводить разведывательные полеты над Кубой. Быть может, эти колебания и превратили его тогда в крупного политика, о котором помнят и через много лет после гибели.

В Штатах рассматривали и такой вариант. Вашингтон начинает масштабную интервенцию на Кубу, уничтожает, в том числе, и советских военных, которых на революционном острове было уже немало. СССР отвечает. Наиболее вероятным и болезненным для США считалось наступление советской армии на американские базы в ФРГ. И — на-

чинается Третья Мировая, сразу в Европе и в Америке а, возможно, и в Азии. Такой перспективы американцы побаивались. Они, кроме прочего, понимали, что даже в западном мире не получают стопроцентной поддержки.

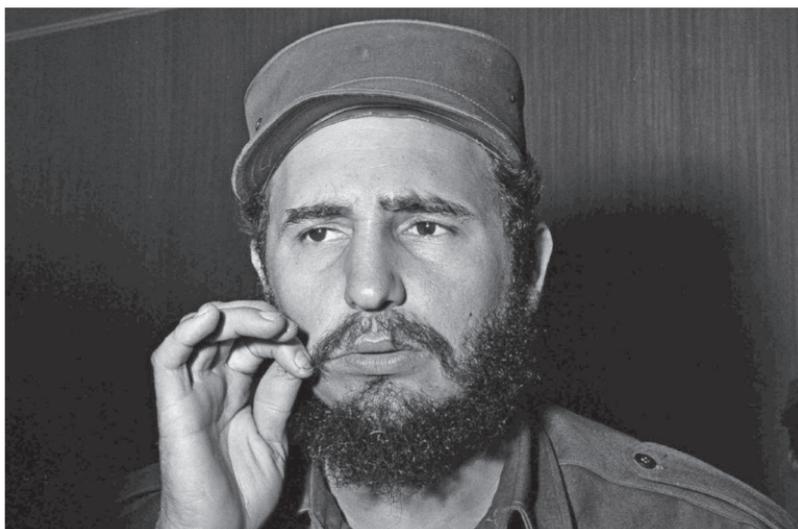
Тем временем, в Штатах началась настоящая паника. Сотни тысяч американцев бросились спасаться в Мексику. На границе скапливались тысячи автомобилей. Начальник штаба ВВС США Кёртис Лемэй, имевший опыт бомбежки Хиросимы и Нагасаки, требовал открыть военные действия, вплоть до ядерного удара по СССР. У него на этот счет имелись планы, Лемэй готов был включить обратный отсчет. Кеннеди попридержал его... А Москва всё ещё отрицала размещение ракет на Кубе.

Борьба нервов

Что мог предпринять Кеннеди, балансируя между партией ядерной войны и здравым смыслом? Для начала Вашингтон объявил о блокаде Кубы. На остров больше не должны были пропускать советские судна, как и любые другие. Правда, Москва отказалась исполнять эти предписания и объявила, что СССР в случае необходимости примет любые меры для защиты своих кораблей. Началась борьба нервов. Юридического права запрещать кубинцам размещать советские ракеты у американцев, разумеется, не было.

На американском направлении в СССР в то время наиболее активно действовали два дипломата — министр иностранных дел Андрей Громыко, всегда считавший отношения с Вашингтоном основой своей политики и Анатолий Добрынин, совсем недавно назначенный послом Советского Союза в США и сразу попавший, по собственному выражению, «на горячую сковородку». Основательность Громыко, помноженная на энергию и коммуникабельность Добрынина, дала результат. Ниточка общения между Москвой и Вашингтоном не прерывалась. При этом, советский посол

в спокойной, ироничной, даже доброжелательной манере разъяснял бессмысленность и незаконность блокады острова Свободы. При этом, Москва (включая лично Хрущева) долго, быть может, слишком долго отрицала все, что связано с поставками ракет на Кубу. Не знали об этих секретных операциях и в МИДе. В отсутствии информации Добрынину непросто было увещевать своих визави, а потом — объяснить, почему прежде он «всё отрицал».

Фидель Кастро Рус

Многое решили и секретные переговоры резидента КГБ в Штатах Александра Феклисова (американцы знали его как «господина Фомина») с видными американскими политиками. Феклисов в непринужденной манере подтвердил, что в случае вторжения американцев на Кубу Советский Союз защитит интересы своих союзников не только на Карибах, но и в Европе. Это прозвучало веско.

Напряжение достигло апогея, когда 27 октября ракета комплекса ПВО С-75 «Двина» сбила над Кубой американский самолет U-2, считавшийся неуязвимым. Пилот —

майор ВВС США Рудольф Андерсон — погиб. Этот день в США окрестили «черной субботой». Но к тому времени Хрущев направил американскому президенту телеграмму, которую составил, конечно, с помощью советников и экспертов — начиная с Громыко. «Давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы», — предлагал «советский премьер».

В то время Штаты имели значительное превосходство в стратегических ядерных силах. Но это вовсе не гарантировало им победу в большой войне. К тому же, в свое время, когда Кеннеди напомнил Хрущеву, что Вашингтон способен 14 раз уничтожить СССР, первый секретарь ЦК КПСС парировал: «У нас хватит только для одного-двух раз, но ведь этого достаточно». Это прозвучало внушительно.

И Хрущев, и Кеннеди не по фильмам знали, что такое война. В годы Великой Отечественной Хрущев, как член Политбюро, входил в военные советы фронтов. Он бывал в Киевском и Харьковском котле, а главное — в Сталинграде. Лейтенант Кеннеди в годы Второй Мировой командовал торпедным катером, действовал против японцев. Каждый из них был внутренне убежден, что великая держава имеет право на экспансию, на жесткое управление союзниками, но большой крови следует избегать.

Найденный компромисс

В американской администрации за общение с советскими дипломатами отвечал младший брат президента — Роберт Кеннеди. Добрынин невысоко оценивал его интеллектуальные способности. Но их объединяло, что оба они стремились избежать большой войны. И беседовали со взаимным уважением, как представители двух великих держав, ни разу не нарушив этого неписанного правила. Особенно откровенный разговор между Робертом Кеннеди и Добрыниным состоялся 27 октября. Кеннеди заявил

советскому послу прямо: «Начнется самая настоящая война, в которой погибнут прежде всего миллионы американцев и русских. Мы хотим избежать этого во что бы то ни стало. Уверен, что такое же стремление есть и у правительства СССР. Однако промедление с нахождением выхода связано с большим риском». Эта была кульминация кризиса. Они договорились, что президент США ответит на письмо Хрущева — и это сгладит ситуацию, позволит нащупать компромисс.

На следующий день ранним утром президент Кеннеди неожиданно для многих согласился на компромисс. В Москву полетела телеграмма: «1) Вы (СССР) согласитесь вывести свои системы вооружения с Кубы под соответствующим наблюдением представителей ООН, а также предпринять, с соблюдением соответствующих мер безопасности, шаги по остановке поставок таких же систем вооружения на Кубу. 2) Мы же, со своей стороны, согласимся — при условии создания с помощью ООН системы адекватных мер, обеспечивающих выполнение данных обязательств, — а) быстро отменить введённые в настоящий момент блокадные мероприятия и б) дать гарантии ненападения на Кубу».

К этому, по настоянию советской стороны, добавили еще одну уступку — эвакуацию ракет из Турции. Говорить об этом публично американские власти отказались. Действия американского президента сковывала «свободная западная пресса». Он не мог отмахнуться от политической конкуренции с республиканцами, от очередных выборов. То есть, Кеннеди нельзя было показаться «слабаком», который испугался Москвы и слишком дешево продал американские интересы на Кубе... в результате американцы не захотели публично терять лицо, но в секретных переговорах по турецкому вопросу слово дали и сдержали его.

На этих условиях стороны и пришли к согласию. Хрущев, во избежание провокаций, даже принял решение о

трансляции по радио своего положительного ответа на американский компромисс. После демонтажа стартовых площадок советских ракет на Кубе Кеннеди прекратил блокаду острова. А вскоре убрал и «Юпитеры» с турецких баз. Сбылась мечта Хрущева: отныне он мог отдыхать на крымском берегу, не опасаясь натовских ракет...

Надо сказать, «джентльменское соглашение» сработало. Даже после гибели Кеннеди его преемник Линдон Джонсон дал понять советским коллегам, что Турция останется безъядерной. Не менее надежным оказалось и слово Советского Союза. Никаких ядерных ракет с тех пор на Кубе не было и нет сегодня. Обе сверхдержавы держали слово — и это стало основой послекарибского мира.

Последствия очевидные и явные

В советской прессе об этих событиях писали скупое — по большому счету, не хотели «нервировать народ». Но армия и спецслужбы действовали в те дни в чрезвычайном режиме. Разумеется, как и дипломаты. В Штатах ситуация стала темой многолетних обсуждений...

Две сверхдержавы остановились на пороге ядерной войны. Это создало фундамент для будущих переговоров и «миролюбивых» политических решений — на много лет вперед. Но после этого для значительной части американской элиты семейство Кеннеди стало «проклятым». Им не простили «слабости» в диалоге с Москвой. Именно так расценивали этот компромисс американские «ястребы войны».

Многие историки считают косвенными последствиями этого кризиса и убийство Джона Кеннеди в ноябре 1963 года, и отстранение от власти Никиты Хрущева осенью 1964-го.

Коллеги по ЦК (разумеется, после отставки) открыто критиковали Хрущева за рискованную, непродуманную политику, которая чуть не втянула страну в атомный конфликт. И все-таки Советский Союз выиграл этот непростой

раунд холодной войны. Можно критиковать рискованный политический стиль «царя Никиты», но надо признать, что в 1962-м его риск оправдался: в Штатах исчезли последние сомнения в том, что с Советским Союзом нельзя разговаривать с позиций силы и стратегическая инициатива в Холодной войне перешла к СССР. И главное — Москва защитила своего союзника. Как бы ни обижался товарищ Фидель на то, что его лишили ядерного щита, в те дни он получил гарантии от американского вторжения. Если бы не Карибский кризис — американцы вряд ли десятилетиями терпели бы существование враждебного режима у себя в подбрюшье. Об этом говорит вся история США. В политику соседних стран они, в своих интересах, вмешивались постоянно, не считаясь с жертвами, навязывая латиноамериканским народам «своих сукиных сынов» — то есть, коррумпированных союзников Вашингтона.

Фидель, которого мы не потеряли

Убежденным сторонником ядерной бомбардировки Штатов проявил себя товарищ Фидель. В разгар событий он даже предлагал Москве нанести превентивный ядерный удар по США, понимая, что в результате, в первую очередь, противник уничтожит Кубу. «Кубинский народ готов принести себя в жертву для победы над американским империализмом», — провозглашал Кастро. С милитаристской риторикой выступал в те дни и Мао Цзэдун, открыто упрекавший Хрущева за нерешительность. Но советский лидер сделал ставку на переговоры и даже в личном кругу пожурил кубинских товарищей, у которых «сдают нервы».

Неудивительно, что в финале этой истории самой большой проблемой для СССР стала Куба. Потерять такого ценного союзника Москва не имела права. Фидель и его команды были стратегически важны и для внешней и, как ни странно, для внутренней политики: кубинских революционеров в СССР любили, испортить с ними отношение —

значило потерять лицо и в глазах миллионов советских людей. Благодаря дипломатической гибкости Анастаса Микояна, отправившегося на Кубу для переговоров с Кастро, эту проблему удалось решить. А что касается безопасности Кубы — в СССР имелись атомные подводные лодки с ядерными зарядами — и команданте Фидель был рад, когда они время от времени несли боевое дежурство у берегов Кубы. Социализм все-таки победил в этой схватке.

*Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора
журнала «Историк»*

Никита Хрущев

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Хотел бы рассказать, что такое Карибский кризис. Эти события 1962 г. возникли при следующих обстоятельствах. Когда Фидель Кастро добился победы и вступил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что в движении, возглавляемом Кастро, участвуют отдельные коммунисты-одиночки, но Компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК Компартии Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанить в горы вместе с Кастро. Когда повстанцы заняли Гавану, мы пользовались материалами только газет и радио. Слушали, что передавалось из самой Кубы и что говорили о ней другие. Положение было очень неясным.

Фидель оставил тогда одного из близких ему деятелей президентом Республики Куба. Этот человек нам был совершенно не известен. Кроме того, Куба официально наше государство не признавала, и долгое время у нас с нею никаких дипломатических связей не существовало. Наши люди, которые занимались Латинской Америкой, начали теперь выезжать на Кубу. Раньше они знали лишь некоторых кубинских деятелей, в частности, брата Фиделя — Рауля Кастро. Как-то случайно один наш товарищ плыл вместе с ним в Мексику на одном корабле. Этот товарищ потом мне рассказывал, как они познакомились, беседовали, а потом Рауля в Мексике, на глазах у нашего товарища, задержали и арестовали. Основываясь на данных, полученных по раз-

ным каналам, мы знали, что Рауль Кастро — коммунист. Но считалось, что он свои убеждения якобы скрывает от брата; тот вроде бы о них не ведает. Гевара тоже был коммунистом, как и некоторые другие сподвижники Фиделя. Но все это были слухи, а официальные связи с ними у нас еще не наладились.

Никита Хрущев

Дальнейшие события развивались быстро. Мы решили в ту пору послать в США Микояна, в качестве «гостя нашего посла», для установления неофициальных связей с американским деловым миром. Анастас Иванович бывал там еще до войны, и у него сохранились какие-то личные связи. Мы верили, что, когда Микоян появится в Вашингтоне, там найдутся люди из деловых кругов, которые захотят установить с нами контакты. В любом случае мы хотели почувствовать, какие там существуют веяния. Главное, хотели выяснить

перспективы развития торговли с США. Когда Микоян находился в США, Фидель пригласил его посетить на обратном пути Кубу. Микоян поехал туда, посмотрел, поговорил. Но и только. Ведь у нас дипломатических отношения с Кубой не было, и Кастро пока придерживался в отношении нас осторожной политики.

Характерным для обстановки на Кубе в то время и для роли Фиделя был, например, такой анекдот. Кубинское революционное руководство попало на небо. Вышел к ним апостол Петр и велел всем построиться, затем сказал: «Коммунисты, три шага вперед!». Вышел Гевара, вышел Рауль, еще кто-то, а все остальные стоят на месте. Тогда Петр крикнул Фиделю: «Эй, ты, большой, а ты не слышишь, что ли?». То есть считали, что Фидель — коммунист, а на небесах он себя вовсе не считал коммунистом и полагал, что услышанная команда к нему никакого отношения не имеет. Вот характерное явление для Кубы того времени.

Вскоре у нас были установлены дипломатические отношения с Кубой, и СССР направил туда свою делегацию. Кубинцы вынуждены были обратиться к нам за помощью: американцы лишили их нефти, их главного источника энергии. Жизнь на острове едва не замерла, и нам пришлось срочно организовать доставку нефти на Кубу. По тем временам это была довольно трудная задача: у нас не имелось достаточного количества танкеров или других подходящих морских судов, и нам пришлось срочно мобилизовать из числа действующих в ущерб уже шедшим перевозкам, а также закупать и заказывать танкеры, чтобы обеспечить Кубу нефтепродуктами. Тогда итальянцы продали нам много танкеров. На этой почве возник даже конфликт Италии с США: американцы обвинили Италию в том, что она «не проявила солидарности». Этот случай свидетельствует и о взаимоотношениях между капиталистическими странами: если можно заработать, то никакая солидарность особенно во внимание не принимается.

Когда у нас установились дипломатические отношения с Кубой, мы направили послом туда профессионального дипломатического работника С. М. Кудрявцева. Кроме того, там находился «журналист» из ТАСС Алексеев, особый сотрудник. Фидель и особенно Рауль Кастро сразу увидели, что это не просто журналист, а представитель определенного ведомства. Они установили с ним доверительные отношения. Когда им что-либо было нужно, то они чаще обращались прямо к Алексееву, чем к послу. Алексеев сейчас же связывался с Центром и сообщал нам о нуждах Кубы. Посол же повел себя нескладно. Обстановка на Кубе накалялась, начали уже «постреливать», и он потребовал, чтобы ему предоставили особую охрану. Кубинское руководство — бывших партизан — это удивляло и раздражало: они-то представляют собой, пожалуй, более выгодную мишень для врагов революции, а ходят без охраны; наш же аристократ-коммунист требует для себя каких-то особых условий, которые абсолютно исключили бы для него возможность неприятностей.

Когда мы увидели, что это ведет к ухудшению наших взаимоотношений, то отозвали оттуда посла. Такой человек не годился для революционной Кубы. Новым послом решили утвердить Алексеева, к которому кубинские товарищи уже привыкли, хорошо его узнали и которому доверяли. Он в их глазах был «своим». Значит, выбор окажется удачным. Дальше — больше! Кастро повел себя завзятым коммунистом. Так он себя еще не именовал, но коммунистов стали привлекать к управлению страной.

К тому времени президент, которого назначили прямо на митинге после занятия Гаваны, сбежал в США. Причиной послужила начавшаяся национализация предприятий и конфискация имущества американских богатеев. Затем стали ограничивать помещиков. Там имелись очень крупные латифундии. Тут сразу многие из тех, кто прежде бо-

ролся вместе с Кастро и приветствовал его как человека, который возглавил борьбу за независимость и изгнание Батисты, отвернулись от революции, ибо многие, сражавшиеся рядом с Кастро, не хотели больших социальных перемен на острове. Им надоел продажный режим Батисты, и они выступили против него, но у них и в мыслях не было изменить общественный строй на Кубе. Им нужен был новый «свой человек», будь то Батиста, Кастро или кто-либо еще, безразлично кто.

Американцы на первых порах тоже рассматривали Кастро именно так и считали, что капиталистические устои на Кубе нерушимы. А когда Кастро заявил, что Куба стала на путь строительства социализма, время было уже упущено и организованных сил, которые дрались бы за интересы США на Кубе, не существовало. Поэтому для них оставался теперь единственный выход — вторжение извне.

Между тем кубинцы попросили у нас вооружения. Мы передали им танки, артиллерию, послали своих инструкторов. Кроме того, отправили зенитные пушки и несколько самолетов-истребителей. В результате Куба довольно солидно вооружилась. Главным недостатком кубинской армии было отсутствие у нее должного боевого опыта. Танками они вообще не умели пользоваться. Из опыта партизанской борьбы им было знакомо лишь личное оружие: карабин, автомат, граната, пистолет.

О начале вторжения на Кубу мы узнали из сообщений зарубежных радиостанций. Какими силами и кто вторгся, мы не знали. Кубинские ли это заговорщики или сами американцы? Мы считали, что при всех случаях и под любой маркой, но вторжение обязательно должно быть с участием американцев.

Фидель быстро мобилизовал свои силы и довольно легко отделался, разгромил контрреволюционеров. Американцы слишком доверились заговорщикам, полагая, что

при помощи их оружия эти кубинцы справятся с Кастро, но просчитались. После победы Фиделя мы усилили помощь Кубе: давали ей столько вооружения, сколько кубинцы могли освоить. Вопрос стоял тогда не о количестве или качестве оружия, а о наличии кадров, которые могли бы владеть современным оружием.

Когда еще не были разгромлены силы вторжения, Кастро выступил с декларацией, что Куба пойдет по социалистическому пути. Нам это было не совсем понятно. Ведь это не способствовало консолидации в тот момент более широкого круга сил против вторжения и сразу отбрасывало от Кастро людей, которые лично выступали против социализма. Тогда раздавались отдельные голоса, что Кастро сделал это заявление потому, что, видимо, сам не очень-то верил, что одержит победу над вторгшимися контрреволюционерами, и ему хотелось, если уж погибнуть, так «с музыкой». Конечно, с точки зрения личной храбрости его действия были правильными. Но с точки зрения тактики этого не следовало делать. И все же он победил, разбил контрреволюционеров, взял часть их в плен.

Мы приветствовали эту победу, но были уверены, что тут — только начало, что американцы не успокоятся. Американцы доверились кубинским эмигрантам, эмигранты были разбиты. Они не откажутся от повторения агрессии, но это станет повторением на новой основе. Они учтут уроки поражения и переорганизуются.

Между тем в Европе разразился Берлинский кризис. Наши отношения с США сильно накалились. Однако президент Кеннеди предпринимал со своей стороны шаги, чтобы нам как-то договориться. Правда, договориться на американской основе. Он считал, что в такой основе наших отношений должен лежать, как он говорил мне в Вене, статус-кво. Мы тоже стояли на позициях статус-кво (имею в виду наше правительство и Центральный Комитет партии). Дело

закключалось в том, что понимание этого статус-кво у нас различалось.

Я, например, считал, по статус-кво распространяется только на нерушимость границ при военном вмешательстве одного государства в дела другого. А президент Кеннеди распространял статус-кво и на внутренние порядки в каждом государстве. Я ему сказал, что это просто немыслимо: «Вы хотите, чтобы мы с вами, договорившись, обеспечили всюду господство эксплуататоров? Политическое устройство — это же внутренний вопрос. Вы же сами, США, освободились войной от колониальной зависимости и упорно воевали с Англией. А теперь вы хотите, чтобы как раз в таких случаях, в каком вы вели войну против Англии за свое освобождение, мы выступали на стороне реакции? Это же немыслимое дело»...

Надо было что-то предпринять, чтобы обезопасить Кубу. Но как? Какими-то вооруженными силами с нашей стороны? Или какими-либо заявлениями, которые мы можем сделать в виде ноты или предупреждений ТАСС? Все это не очень-то подействует на американских агрессоров, не произведет на них даже впечатления, если они не увидят за этими предупреждениями реальной силы и каких-то реальных акций. Подобные действия иной раз приносят даже вред. Об этом хорошо сказано в давнем рассказе: пастухи предупреждали для профилактики — вон волк, волк, волк, а волка-то и не было, когда же волк взаправду напал, опять закричали — волк, волк! Однако уже никто не обратил внимания, и волк сделал свое дело.

Таков теперь «классический» китайский способ действий. После тысячи строгих предупреждений, которые они сделали американцам, как говорится, американский Васька слушает, да ест. Такой метод был опасным раньше и остается опасным сейчас. Мы предусматривали такую опасность и считали, что подобным способом надо

пользоваться только в меру. Если предупреждаешь, то продумай, что ты можешь реально сделать, коль скоро предупреждения не возымеют действия. Если предупреждать впустую, то приучишь противника, что ты болтун, делаешь пустые заявления, за которыми никаких реальных акций не следует, поэтому не следует и обращать на них внимания. Следовало поэтому предпринять что-то реальное. Должен признаться, что меня очень занимала эта проблема...

Как-то в дружеской беседе я сказал Фиделю: «Вы ведь победили потому, что тут получился первый такой случай среди латиноамериканских стран». Обычно у них один диктатор уступает место другому диктатору, который приходит к власти любыми доступными средствами, в том числе военными. США при этом сохраняют нейтралитет, занимают позицию невмешательства. Всем известно, на чем это невмешательство основано. Одно имя уже использовано империалистами США, они уже пограбили Кубу и дали Батисте возможность грабить и нажить себе капитал. Потом диктатор уходит, потому что изжил себя и далее нетерпим. Его выгоняет другой, который поднимает восстание и приходит к власти, а США при этом не страдают. Был прежде Батиста, пусть теперь будет на Кубе другой, к примеру, Кастро. Главное, чтобы положение США было сохранено на Кубе. Они так и считали...

Надо было что-то придумать. Что? Очень сложно найти вот это что-то, что можно было противопоставить США. Естественно, сразу напрашивалось такое решение: США окружили Советский Союз своими базами, расположили вокруг нас ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и Италии, а про Западную Германию и говорить нечего! Мы допускали, что, возможно, есть они и в других странах. Они нас окружили военно-воздушными базами, и их самолеты находятся на расстоянии радиуса действия

от наших жизненных промышленных и государственных центров. А самолеты эти вооружены атомными бомбами. Нельзя ли противопоставить им то же самое? Однако все это не так просто!

Я как Председатель Совета Министров СССР и Первый секретарь ЦК партии должен был так решить вопрос, чтобы не вползти в войну. Ума-то никакого особого не требуется, чтобы начать войну. Требуется больше ума кончить ее. Дураки легко начинают войну, а потом и умные не знают, что делать. Существовала и другая трудность. Очень просто поддаться крикам со стороны США и перейти на словесную дуэль, которая в вопросах классовой борьбы мало чего стоит.

А когда Даллес объявил свою политику скальвания, то есть постепенного отрыва страны за страной от социалистического лагеря или же стран, которые находятся с нами в дружеских отношениях, то он нацелился подчинять их своему влиянию. Но так как капиталистическая идеология не является сейчас уже особо привлекательной для большинства народов, то здесь больше всего Даллес рассчитывал именно на силу, на военную силу. И я подумал: а что, если мы, договорившись с правительством Кубы, тоже поставим там свои ракеты с атомными зарядами, но скрытно, чтобы от США это было сохранено в тайне? Надо будет поговорить с Фиделем Кастро, обсудить нашу тактику и цели, которые мы преследуем. Когда все будет обговорено, можно начинать такую операцию. Я пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно и если американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять на месте, готовыми к бою, то перед тем, как принять решение ликвидировать их военными средствами, они должны будут призадуматься.

Эти средства могут быть уничтожены США, но не все. Достаточно четверти, даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы бросить на Нью-Йорк одну-две ядер-

ные ракеты, и там мало что останется. Атомная бомба, сброшенная США на Хиросиму, имела мощность в 20 тысяч т взрывчатки. А нашу бомбу в миллион тонн еще никто не проверил на себе. Но по нашим испытаниям было известно, что разрушения производятся колоссальные. Я не говорю, что все бы там погибли. Нет, не все бы погибли, но трудно сказать, сколько не погибло бы. Одним словом, ученые и военные, которые имеют отношение к атомному оружию, хорошо себе все это представляют. Думалось, что это сможет удержать США от военных действий. Если бы сложилось так, то было бы неплохо: получилось бы в какой-то степени «равновесие страха», как Запад это сформулировал.

Они окружили нас военными базами и держат под возможностью ударов нашу страну. А тут американцы сами бы испытали, что означает такое положение. Мы-то уже привыкли к этому. Мы за последние полвека провели на своей земле три большие войны: первую мировую, гражданскую и вторую мировую, а США войн на своей территории давно не имели. Они во многих войнах участвовали, но при этом обогащались, затрачивая минимальное количество крови своих людей, а наживали миллиарды и грабили весь мир... Я ходил, думал, и все это постепенно созревало во мне. Никому я свои мысли не высказывал, потому что это было мое личное мнение, мои душевные страдания. Я тогда просто ни с кем не мог поделиться ими. В Болгарии с Живковым я поделиться ими тоже не мог, потому что я со своими товарищами по партии еще ничего не обсуждал. Как же я могу обмениваться мнениями даже с самой дружеской страной и дружеским руководством, не обговоривши у себя и не заручившись согласием своих товарищей по Центральному Комитету КПСС и правительству?

Когда я вернулся в Советский Союз, то продолжал обдумывать этот вопрос. Потом мы собрали заседание, и я

сказал на нем, что хотел бы изложить свои взгляды по вопросу о Кубе, и произнес то, что обдумал. Сказал, что иначе Куба будет разгромлена, что нельзя надеяться на то, что во второй раз вторжение будет организовано так же плохо. Фидель Кастро уже не сможет добиться победы, ибо опыт разгрома десанта Фиделем будет учтен, и поэтому сразу будет брошено туда большее количество оружия и людей, и не в одной точке. Остров Куба растянулся на значительно больше тысячи километров, а в поперечнике имеет в отдельных местах лишь около 50 километров. Поэтому Куба очень уязвима для морских десантов. США, которые имеют огромный воздушный и морской флот, ничего не стоит организовать высадку десанта в любой точке и таким образом заставить рассредоточить оборонительные силы Кубы, сделав их фактически неэффективными. И вообще для армии США разбить армию Кубы больших трудностей не составит...

Если создается невыгодная ситуация, то ты должен отступить. Однако если отступление есть начало конца твоего сопротивления, так лучше уж рискнуть. На миру и смерть красна! Попытаться сокрушить своего врага, а если война будет навязана им, сделать все, чтобы выжить в такой войне и добиться победы. Вот, собственно, как мы все понимали сложившуюся ситуацию. Я и сейчас много об этом думаю. Я вот уже сколько лет нахожусь на положении неработающего пенсионера: особых дел у меня нет, в настоящем и будущем у меня особых вопросов не возникнет, поэтому я и живу анализом пройденного пути. А путь, пройденный мною, хороший, и я его не только не стыжусь, а горжусь им.

Карибский кризис является украшением нашей внешней политики, в том числе моей как члена того коллектива, который проводил эту политику и добился блестящего успеха для Кубы, не сделав ни единого выстрела.

Как далее развивался кризис, когда мы приняли решение о том, что целесообразно поставить ракеты с атомными зарядами на территории Кубы и таким образом поставить США перед фактом, что если они решатся вторгнуться на Кубу, то Куба будет иметь возможность нанести сокрушительный ответный удар? Это был бы, конечно, не разгром США. Но им были бы нанесены очень большие разрушения. Отсюда мы сделали вывод, что эта перспектива удержит власть имущих в США от вторжения на Кубу. К такому выводу все мы пришли после двукратного или трехкратного обсуждения моего предложения. Я предлагал не форсировать это решение, чтобы оно выкристаллизовалось в сознании каждого и каждый бы, понимая его последствия, знал, что оно может привести нас к войне с США. Решение было принято единодушно.

Разработка операции была поручена товарищу Малиновскому, к этому делу был допущен узкий круг людей. Подсчитали мы наши ресурсы и пришли к выводу, что можем послать туда ракеты с миллионным по мощности зарядом каждая. Дальность полета этих ракет была, по-моему, у большинства из них две тысячи километров, а 4 или 5 ракет могли лететь и четыре тысячи километров. Были выбраны точки размещения стартовых позиций; примерились, с какой точки могут быть поражены какие объекты. То есть была проведена проработка использования ракет в целях нанесения максимального урона противнику. Получалось грозное оружие, очень грозное! Но этого было мало.

Мы считали, что если уж ракеты ставить, то их следует охранять, защищать. Для этого нужна пехота. Поэтому решили послать туда также пехоту, что-то около нескольких тысяч человек. Кроме того, были необходимы зенитные средства. Потом решили, что нужны еще и танки, и артиллерия для защиты ракет в случае высадки врагом десанта. Мы решили направить туда зенитные ракеты класса «зем-

ля — воздух», хорошие ракеты по тому времени. У нас имелись зенитные ракеты разных калибров и образцов. Первые из них уже устарели, и мы решили послать самые последние модели, которые были запущены в производство и поступали на вооружение Советской Армии.

Джон Кеннеди

Естественно, с этим оружием мы посылали туда и свой командный состав, и обслугу. Мы не могли привлекать ку-

бинцев к этому делу потому, что они еще не были подготовлены к эксплуатации ракет. Потребовалось бы большое время, пока они подготовятся. Кроме того, на первых порах мы хотели сохранить абсолютную секретность и считали, что чем больше людей привлекается, тем больше возможность утечки информации. В результате набиралось несколько десятков тысяч человек наших войск. Для управления ими надо было создать штаб. Малиновский как министр обороны предложил утвердить руководителем генерала армии Плиева(23), осетина по национальности. Вызвали генерала Плиева, и я с ним побеседовал. Он был человек уже в летах, больной, но знающий свое дело. Прошел Отечественную войну, да, по-моему, и в гражданской войне поучаствовал. Я его более или менее знал по второй мировой войне в качестве командира кавалерийского корпуса. Умный человек. Плиев сказал, что если будет утвержден, то посчитает для себя за честь поехать на Кубу и выполнить задание, которое на него возлагается.

Когда точно подсчитали, что необходимо перебросить на Кубу, было дано задание подумать, какое количество кораблей понадобится, чтобы в максимально короткое время перевезти всю эту технику. Это было поручено работникам армейского и флотского тыла в Министерстве обороны и Министерстве морского флота. Они должны были обеспечить выполнение операции. Затем мы решили направить на Кубу нашу военную делегацию. Основная ее задача — проинформировать Фиделя о наших предложениях и заручиться его согласием. При наличии его согласия наши люди должны были осмотреть местность, выбрать точки для расположения ракет и изучить места расположения остальных войск. Одним словом, машина завертелась.

Больше всего нас беспокоило, чтобы наша операция не была раньше времени раскрыта с воздуха. Американцы непрерывно летали над Кубой. А Кубу можно разведывать не только прямыми полетами, но и летать параллельно бе-

регу над нейтральными водами, делая снимки почти всей территории острова. Куба ведь длинная и узкая, поэтому можно так летать и фотографировать ее. Американцы проводили наглую политику, бесцеремонно вторгаясь на территорию соседей, да и не только соседей. Они летали там, где считали это выгодным для обороны США, игнорируя суверенитет соседних стран. Нас интересовало, насколько можно сохранить секретность в таких условиях? Разработали план: что надо сделать, чтобы не допустить преждевременного выявления с воздуха наших замыслов...

Когда мы договорились о необходимости установки ракет с ядерными боеголовками на острове Куба и заручились согласием Фиделя Кастро, то послали, как я уже сказал, туда военных для продолжения переговоров с Фиделем и для изучения на местности возможностей расположения ракетного вооружения. Мы хотели скрытно поставить ракеты, чтобы США через свою агентуру и воздушную разведку не смогли их обнаружить. Это было очень важное обстоятельство. То есть мы хотели сосредоточить ракеты на Кубе тайно от США. Нужно было, чтобы США не смогли предупредить нас и высадить прежде того свой десант под американским флагом или флагом кубинских контрреволюционеров. Форма не имела значения, нас интересовала суть: чтобы Куба оставалась при своих революционных завоеваниях и чтобы стала флагманом социалистических стран на Американском континенте, вела бы свое развитие под марксистско-ленинским знаменем. Вот наше желание.

Итак, мы послали туда Бирюзова с соответствующим штатом штабных работников ракетных войск, чтобы они смогли оценить, как лучше расположить ракеты. Они приехали оттуда и доложили нам, что, по их мнению, размещение ракет можно скрыть. Тут проявились невысокие качества этих разведчиков: они наивно считали, что пальмы будут маскировать установку ракет. Дело в том, что мы имели

в виду установку ракет только в наземном варианте. Чтобы сделать для них шахты и лучше замаскировать, а самое главное — повисить их устойчивость в боевом отношении, чтобы взрыв бомбы вблизи поставленной ракеты не разрушил бы ее, такого мы, конечно, и в мыслях не имели. Для этого требовалось большое время, а времени у нас не было. Поэтому решили провести работу в два этапа. Сначала поставить ракеты в наземном варианте. Это — простая вещь, потому что все оборудование уже было изготовлено. Надо было только перевезти ракеты и средства установки, а там их, буквально за несколько дней, можно будет поставить. Даже сами ракетные команды могли это сделать.

И вот привезли посланцы такие ободряющие впечатления, что тогда же мы приняли решение о реализации замысла. Большую работу возложили на министра морского флота. Он блестяще справился с этой задачей. Нужно было мобилизовать флот, и только собственный, советский флот. У нас имелись обязательства, как внутренние, так и договорные, по торговым соглашениям о перевозке грузов. Нужно было помимо этого выделить флот, который обеспечил бы своевременную перевозку ракет. Установили сроки (сейчас не помню, какие), то были максимально короткие сроки. Следовало договориться и с иностранными судовладельцами, чтобы частично зафрахтовать их корабли для перевозки наших обычных грузов. В общем, сложная работа, и эта работа была блестяще выполнена. Все мы заслуженно хвалили за нее министра морского флота...

Когда американцы разгадали наш замысел и узнали, что мы устанавливаем ракетную технику на Кубе, поднялся невероятный шум в печати. Сразу подняла шум республиканская печать, заговорили деятели республиканской партии, потом к ним присоединились демократы. Они стали требовать от своего правительства решительных действий, чтобы не допустить установки ракетно-ядерного оружия на Кубе, дабы русские не угрожали США с Кубы.

Приводились и прочие аргументы. Я не буду их сейчас повторять, потому что для этого я должен был бы вернуться к печати того времени, а я такой возможности не имею. Накал дискуссии был очень высокий. Нас запугивали, что США не потерпят этого и будут вынуждены вмешаться, применить оружие и использовать свое военное превосходство в сравнении с Кубой.

Надо иметь в виду, что мы были очень уязвимы на Кубе в военном отношении, особенно в то время. Флот у нас был тогда еще не такой, как сейчас. Мы тогда почти не имели подводных лодок с атомными двигателями, да и вообще 11 тысяч километров удаления — это такое расстояние, с которым надо считаться. Кроме того, подплыв наших подводных лодок к острову Куба, как нам докладывали, затруднен. Там множество островов, подводных мелей, рифов, где подводным лодкам трудно проходить. Им надо было плыть в довольно узком пространстве, так что американцы могли, имея сильный надводный и подводный флот, хорошо организовать контроль. Это не такое простое дело, вести военное сражение против США у берегов Кубы. Да мы, собственно говоря, никогда этой цели и не ставили, потому что такая цель просто была чужда нам. Ведь цель установки ракет с ядерным оружием, как я уже говорил, заключалась не в нападении на США, а исключительно ради обороны Кубы. Мы хотели, чтобы США не напали на Кубу, вот и все.

Но политические деятели США, конечно, могли допустить, что мы имеем и крайне агрессивные цели непосредственно в отношении США. А самое главное, им было выгодно вытеснить нас с Кубы. То, что они давно уже сделали в отношении Советского Союза, окружив нас своими военными базами, вооружив их ракетной техникой и построив аэродромы, этого они не принимали во внимание. Империалисты Америки считали, что тут все в порядке вещей, что это их право защищаться от Советского Союза при

своем удалении от него в тысячи километров. Но здесь — Куба, буквально у них под носом. И они как бы лишали ее права иметь защиту. Вот их мораль.

Всякая мораль только тогда учитывается империалистической буржуазией, империалистическим лагерем и лишь тогда они придерживаются морали, если мораль подкрепляется силой, возможностью противостоять. Если такой силы нет, то мораль не принимается во внимание. Американцы опирались не на мораль и не искали аналогий в оправдание своих акций. Они это делали и продолжают делать сейчас, но сами никогда за свою историю не переживали подобного, страшно были взволнованы и напуганы.

Поэтому они использовали все средства для того, чтобы ликвидировать наши ракеты и устранить угрозу, которую эти ракеты представляли. Причем довольно серьезную угрозу.

Американцы предупредили нас в неофициальном порядке через каналы, которые у нас тогда имелись с президентом Кеннеди и его доверенными людьми, что они знают, что мы устанавливаем на Кубе ракеты. Естественно, мы все отрицали. Могут сказать, что это — вероломство. К сожалению, в наше время данная форма дипломатии сохраняется, и мы ничего нового тут не выдумали, а только воспользовались теми же средствами, которыми пользуется противник в отношении нас. Они же нас не предупреждали, что ставят свои ракеты в Турции, что поставили ракеты в Италии и в других странах — членах НАТО. Они отрицали, что ведут против нас разведывательную работу и посылают свои самолеты на нашу территорию...

Особенно острый этап кризиса длился шесть-семь дней. Чтобы как-то смягчить обстановку, я предложил членам советского руководства: «Сходим, товарищи, в Большой театр. Сейчас в мире напряженная обстановка, а мы появимся в театре. Наш народ и иностранцы будут это видеть, и это станет действовать успокаивающе. Если Хрущев

и другие лидеры сидят в театре в такое время, то можно спокойно спать». Но сами-то мы очень тогда беспокоились. Не требуется большого ума, чтобы начать войну. Мы не хотели войны, не хотели сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А если начнется война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалея волос. Поэтому я тогда одну самую тревожную ночь провел даже в Кремле.

Шел непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди, и я провел ночь в помещении Совета Министров СССР, ожидая, что могут быть срочно переданы тревожные известия, на которые необходимо немедленно реагировать. Были предупреждены и военные. Мы, насколько возможно, приготовили наши войска. По-моему, сделали даже какие-то заявления относительно усиления нашей боевой готовности. Должен сейчас чистосердечно сказать, что это была только демонстрация в печати, чтобы воздействовать на умы американских агрессоров. Практически же мы ничего серьезного не предприняли, ибо считали, что война не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы не допустить войны.

Американские самолеты постоянно облетывали остров. Это с ума сводило Кастро. Кастро отдал приказ открыть огонь, и наши военные сбили ракетой американский разведывательный самолет У-2. Это был второй американский разведчик после Пауэрса, сбитый нашей ракетой.

Поднялся шум. Мы несколько взволновались, что президент может это не переварить. Мы тогда отдали приказ своему командующему выполнять только наши указания, и ничьи другие. На случай вторжения мы приказали ему координировать свои действия по отражению вторжения с кубинской армией.

В то время в США были наши товарищи. Они встречались с разными людьми. Юрий Жуков мне говорил о том, что один знакомый приглашал его расположиться в собственном убежище, если начнется война. Он так и сказал: «Я

вам место в моем убежище обеспечу». Вот какой предвоенный психоз был в то время.

Кульминация наступила, когда нам сообщил советский посол в США Добрынин, что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента — Роберт Кеннеди. Он так описывал его внешний вид: Роберт выглядел очень усталым, глаза у него — красные-красные, было видно, что он ночь не спал, да и сам он потом сказал об этом. Роберт сообщил Добрынину, что вообще шесть дней не был дома, не видел своих детей и жену, что они с президентом сидят в Белом доме и бьются над вопросом о наших ракетах. И добавил: «У нас напряжение очень сильное, опасность войны велика, прошу передать вашему правительству и лично Хрущеву, чтобы он учел это. Президент готовит обращение через закрытые каналы и очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения». Роберт прямо говорил, что положение угрожающее, поэтому президент лично писал это послание.

Роберт заявил также, что президент сам не знает, как выйти из этого положения, а военные оказывают на него сильное давление, настаивая прибегнуть к военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень сложное положение. Он добавил: «Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту трудно. Даже если он не захочет, не пожелает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите нам решить эту задачу». Роберт оставил нашему послу свой телефон и просил звонить в любое время суток. Он очень нервно настаивал и взывал к благоразумию, просил помочь президенту выйти из этой ситуации.

Во время переговоров американцы были во многом откровенны с нами, особенно Роберт Кеннеди. Они считали, что начнется война, а на Кубе наши люди, много наших людей (они преувеличивали количество наших войск

на Кубе, но там их было достаточно), и вот прольется кровь русская. На это русские ответят, но не в Америке, а в Германии. Все это пугало правительство США.

К этому времени Америка уже призвала из запаса людей, вывела в океан военно-морской флот, подтянула к своим берегам резервы. Одним словом, все военные приготовления были закончены. Видимо, президент понимал, что он делает. Конечно, превосходство в ракетах было на стороне США, но он понимал: превосходство превосходством, а те ракеты, которые поставлены нами, свое дело сделают. Они могут сдуть с лица земли Нью-Йорк, Вашингтон и другие промышленные города и административные центры. Конечно, Советскому Союзу они тоже нанесут урон. Начнется война, не такая, как первая мировая или вторая мировая, где некоторые американцы даже не слышали ружейного выстрела. Они не знали, что такое разрывы бомб, что такое разрывы артиллерийских снарядов. Они воевали на чужих территориях. А в этой войне, если она будет развязана, они вызовут огонь на себя. И какой огонь! Термоядерных бомб!

Мы, собственно, добивались того, чтобы Америка встряхнулась и ее руководство почувствовало, что такое война, что она стоит у их порога, что поэтому не надо переходить грань, следует избежать военного столкновения. Вот такая дилемма была поставлена.

Мы изучили документ, направленный нам от президента, и ответили. Я сейчас не имею под рукой материалов и описываю все исключительно по памяти, хотя в памяти суть дела выступает рельефно. Я это пережил и все хорошо помню, потому что от начала и до конца отвечал в первую голову за эту акцию, был ее инициатором и формулировал всю переписку, которую мы вели с президентом. Для меня служит сейчас утешением, что мы в целом поступили правильно и совершили великое революционное дело, не побоялись, не дали себя запугать американскому импе-

риализму. Вот уже сколько лет прошло, а мы видим воочию и радуемся, что революционное дело, возглавляемое Фиделем Кастро, живет и развивается. США, взяв обязательство не вторгаться на Кубу сами и не допускать вторжения своих союзников, пока выполняют это обязательство...

Ракеты доставлены!

В результате всей переписки, которая велась по официальным и неофициальным каналам, мы пришли к следующему решению и довели его до сведения президента США. Сказали, что выступим публично и будем настаивать на следующем: чтобы избежать конфликта, ставим перед президентом Кеннеди условие, чтобы он принял обязательство не вторгаться на Кубу, если мы выведем оттуда ракеты и другое вооружение, за исключением обычного.

Американцы и не требовали от нас вывода обычного вооружения. Это и невозможно было требовать, потому что мы бы так не сделали. Это президент США понимал. Мы считали, что бомбардировщики Ил-28 — обычное вооружение, и не хотели их выводить. Но потом вынуждены

были согласиться с Кеннеди и их вывели тоже, чтобы не дразнить гусей. В сложившейся обстановке они не имели особого значения. Если говорить о боевых заданиях, которые могли выполнять эти бомбардировщики, то наши современные истребители, которые находились на Кубе, могли с успехом заменить их. Здесь не возникло никакой потери в смысле боевых возможностей, а мы демонстрировали свою добрую волю. Мы знали, что президент заручился перед своими военными, что будет непреклонно настаивать на выводе бомбардировщиков и что добьется этого. И мы пошли на уступки и согласились вывести Ил-28 с Кубы.

Американские корабли начали тоже отходить и очищали воды Кубы. Но их самолеты продолжали облеты острова, и это продолжало с ума сводить Фиделя. Когда были опубликованы два послания — наше к Кеннеди и его к нам, в которых говорилось о выводе ракет с Кубы и обязательстве США не допускать вторжения туда как своими вооруженными силами, так и силами их союзников, — Кастро не понял всей глубины дела, которая была заложена в нашей акции, не понял политического маневра. Он даже перестал принимать нашего посла. Когда мы говорили о союзниках США, то имели в виду наемников из латиноамериканских стран. А там имеется много головорезов, которых легко можно завербовать, если США дадут денежные средства и вооружение. Поэтому мы считали, что такое обязательство президент США должен взять лично на себя. Он взял его и опубликовал соответствующее заявление.

Тут сразу началась критика слева, что формулировки Кеннеди недостаточно точны. Печать Китая тотчас же заявила, что это с нашей стороны предательство, трусость, капитуляция. А что было делать? Доводить игру до войны? Китайцы упирали именно на это, но мы, естественно, считали, что это глупость. Чтобы довести до войны, большого ума не требуется. Я уже не раз говорил, что войну и дурак

начнет, а вот умному потом трудно ликвидировать войну. Мы не хотели ее. Я и сейчас считаю, что мы поступили абсолютно правильно, уведя наши ракеты с Кубы. И мы стали письменно объяснять Кастро свою позицию. Он очень нервничал, разносил нас, если можно так выразиться. «Революционность» Кастро, его экстремизм усиленно подготавливали китайцы. А мы потерпели моральный ущерб. Вместо того, чтобы наши акции на Кубе поднялись, они понизились. Кастро считал, что мы предали Кубу, а вот китайцы их поддерживают.

Тогда я предложил откомандировать на Кубу Микояна. Зная Микояна много лет, я считал, что его дипломатические качества в этом случае будут очень полезны. Он обладает хорошими нервами, спокоен, многократно может повторять одну и ту же аргументацию, не повышая тона. Это имеет большое значение, особенно в переговорах с таким горячим человеком, как Фидель. Кроме того, Микоян уже бывал на Кубе, и его там немножко знают. Одним словом, мы послали Микояна к Фиделю. Через несколько дней Микоян вернулся и доложил, что Кастро очень взволнован, что с ним трудно вести любые переговоры. Любая аргументация не доходит до его сознания. В течение всех переговоров он настаивал, что наша акция очень вредна, что она принесет вред всему социалистическому лагерю. Кроме того, Фидель требует, чтобы американцы ушли с их военной базы в Гуантанамо.

Тогда у нас сложилось впечатление, что, несмотря на ясное изложение нашей цели перед Фиделем, он, видимо, не понял ее.

После того как Микоян вернулся с Кубы, я сказал, что надо послать Фиделю письмо. И я приготовил большое письмо, в котором откровенно изложил все свои мысли. Там я писал: главный смысл Карибского кризиса состоит в том, что он, собственно говоря, сам собою благословил су-

ществование социалистической Кубы. Если бы Куба не прошла через такой кризис, то маловероятно, чтобы американцы не организовали нового вторжения для ликвидации социалистического строя. А сейчас США сделать это очень трудно. Пронесся сильный накал страстей, мы обменялись обязательствами, и вдруг после этого Америка вторгается? В этом случае у Советского Союза остается право напасть в ответ на США. Так там и было написано. Поэтому Кеннеди не пойдет на это. Сейчас мы добились существования социалистической Кубы еще на следующие два года, пока Кеннеди сидит в Белом доме. Но у нас складывается мнение, что Кеннеди будет избран и на второй срок. Следовательно, это еще четыре года. Итого: шесть лет. Шесть лет прожить в наше время — немалый срок. Тогда уже сложится иное соотношение сил. Оно все больше меняется в пользу социализма.

Никита Хрущев и Анастас Микоян

Потом, во время наших бесед, когда Кастро дважды приезжал в Советский Союз, он приезжал настроенным уже по-другому, и обстановка у нас была исключительно теплой. Она позволяла нам откровенно обмениваться мнениями. То был уже пройденный этап, мы могли оглянуться, разобрать и проанализировать прежний инцидент. Когда мы разговаривали с ним, я видел, что теперь Кастро нас лучше понимает.

Об авторе: *Никита Сергеевич Хрущев (1894 — 1971), советский политический деятель, первый секретарь Коммунистической партии Советского Союза с 1953 по 1964 год, председатель Совета министров СССР в 1958 — 1964 гг.*

Анатолий Добрынин

УРОКИ И ИТОГИ КРИЗИСА

После провала интервенции на Кубе в апреле 1961 года, предпринятой кубинскими контрреволюционерами, США продолжали оказывать всесторонний нажим на Кубу. В январе 1962 года они добились исключения Кубы из Организации американских государств и прибегли к экономической блокаде.

Анатолий Добрынин.
Встреча с президентом Кеннеди

Летом и осенью 1962 года обстановка в Карибском бассейне еще более обострилась. К берегам Кубы направлялись американские корабли, в воздухе в этом районе круглосуточно находились самолеты стратегической авиации США. ЦРУ и Пентагон разработали долгосрочный план под кодовым названием „Мангуста». Он был направлен на подрыв и свержение режима Кастро. План был одобрен президентом Кеннеди.

Усиливался психологический „прессинг» на Кубу, а также пропагандистская кампания против СССР в связи с оказываемой Москвой военной и экономической помощью Кубе.

В заявлении ТАСС от 11 сентября 1962 года Советское правительство осудило ведущуюся в США враждебную кампанию против СССР и Кубы и подчеркнуло, что „сейчас нельзя напасть на Кубу и рассчитывать, что это нападение будет безнаказанным для агрессора».

Здесь следует сказать о важных конфиденциальных договоренностях, которые, начиная с мая 1962 года были достигнуты в строжайшей тайне между советским руководством и Ф.Кастро.

Советник нашего посольства на Кубе А.Алексеев (сотрудник КГБ), поддерживал дружественные доверительные связи с Кастро, и последний охотнее общался с ним, чем с послом Кудрявцевым, не сумевшим установить должный контакт с кубинским руководителем (что не осталось незамеченным в Москве). В начале мая Алексеев был неожиданно вызван в Москву и приглашен к Хрущеву.

Как рассказывал впоследствии сам Алексеев, Хрущев сказал ему следующее: „Мы назначаем Вас послом на Кубе. Ваше назначение связано с тем, что мы приняли решение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Только это может оградить Кубу от прямого амери-